

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

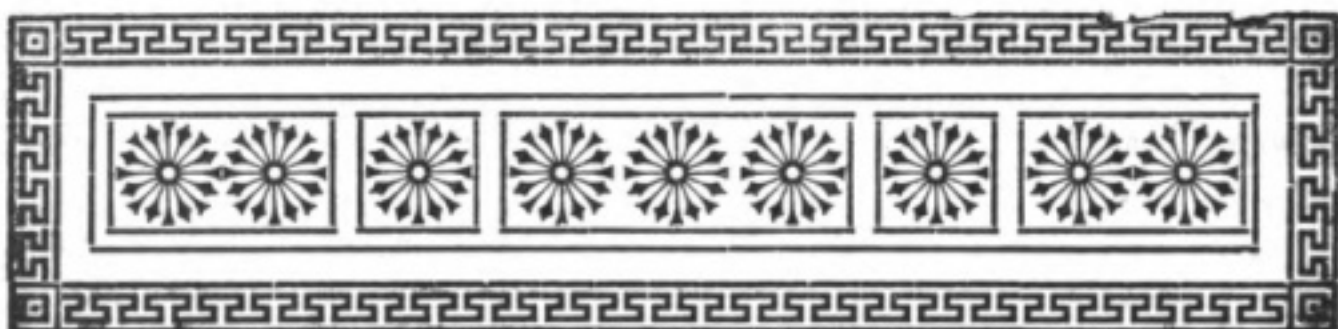
ГЛАВА VIII.

Берлинскій конгрессъ и князь Горчаковъ.

Ворьба окончилась въ маѣ. Англійское министерство подчинилось своему поражению; но ему было дозволено отчасти скрыть капитуляцію между лордомъ Сольсбери и русскими представителями, скрѣпленную Европейскимъ ареопогомъ. Подписанную 30 мая, ее напечатали лишь 14 іюня.

Одинъ, или два пункта, предоставленные рѣшенію конгресса, дали поводъ Биконсфильду играть комедію, которая такъ часто одурачивала его партію и обманывала публику. Большаго ему и не требовалось. Договоръ состоялся, чтобы Болгарію (большую Санъ-Стефанскую Болгарію) раздѣлить на три части: 1) сѣверную, совершенно свободную, подъ управленіемъ своего князя; 2) восточную Румелию, полусвободную съ автономными учрежденіями, подъ управленіемъ ставленника султана, при участіи всликихъ державъ, и наконецъ 3) Македонію, возвратитъ подъ турецкое иго. Биконсфильду необходимо было для его домашней политики сдѣлать видъ, что онъ такъ или иначе отвергаетъ Россію. „Требованіе, чтобы туркамъ было дано право возстановить гарнизоны на проходахъ, изъ которыхъ они были изгнаны русскимъ оружіемъ, должно непременно раздражить русскихъ, говорилъ онъ, а поэтому неминуемо дастъ удовлетвореніе намъ, англичанамъ, противникамъ Россіи“¹⁾.

¹⁾ Какъ тяжело было русскимъ это странное предложеніе, можно судить по прилагаемой выдержкѣ изъ рѣчи Аксакова 4-го іюля:

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА VIII.

Берлинскій конгрессъ и князь Горчаковъ.

Ворьба окончилась въ маѣ. Англійское министерство подчинилось своему поражению; но ему было дозволено отчасти скрыть капитуляцію между лордомъ Сольсбери и русскими представителями, скрѣпленную Европейскимъ ареопогомъ. Подписанную 30 мая, ее напечатали лишь 14 іюня.

Одинъ, или два пункта, предоставленные рѣшенію конгресса, дали поводъ Биконсфильду играть комедію, которая такъ часто одурачивала его партію и обманывала публику. Большаго ему и не требовалось. Договоръ состоялся, чтобы Болгарію (большую Санъ-Стефанскую Болгарію) раздѣлить на три части: 1) сѣверную, совершенно свободную, подъ управленіемъ своего князя; 2) восточную Румелию, полусвободную съ автономными учрежденіями, подъ управленіемъ ставленника султана, при участіи всликихъ державъ, и наконецъ 3) Македонію, возвратитъ подъ турецкое иго. Биконсфильду необходимо было для его домашней политики сдѣлать видъ, что онъ такъ или иначе отвергаетъ Россію. „Требованіе, чтобы туркамъ было дано право возстановить гарнизоны на проходахъ, изъ которыхъ они были изгнаны русскимъ оружіемъ, должно непременно раздражить русскихъ, говорилъ онъ, а поэтому неминуемо дастъ удовлетвореніе намъ, англичанамъ, противникамъ Россіи“¹⁾.

¹⁾ Какъ тяжело было русскимъ это странное предложеніе, можно судить по прилагаемой выдержкѣ изъ рѣчи Аксакова 4-го іюля:

Это требованіе не имѣло практическаго смысла. Какъ указывала Пель-Мель газета, право воздвигать укрѣпленія на Балканскихъ холмахъ, когда вся страна кругомъ находится во враждебныхъ рукахъ, равняется тому, чтобы предоставить птицѣ право вооружить свою собственную западню. Но унизительная несообразность этого предложенія была по вкусу Биконсфильду, и онъ избралъ ее основаніемъ для ультиматума. Когда Россія отказала въ согласіи на это, онъ сдѣлалъ распоряженіе готовить экстренный поѣздъ, въ которомъ на слѣдующее утро онъ вернется въ Англію, и убѣдилъ князя Бисмарка, что скорѣе прерветъ конгрессъ, подѣ страхомъ общей войны, нежели откажется отъ своего требованія. Все продѣлано въ стилѣ сенсаціонной мелодрамы. Это было самое тонкое дурачество, разыгранное съ непоколебимой важностью главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Джингоистская толпа въ печати и на улицахъ кричала до хрипоты отъ восторга, когда всемірный фигляръ объявилъ при своемъ возвращеніи, что онъ привезъ изъ Берлина „миръ съ честью“. Миръ, опасности котораго грозилъ одинъ онъ, честь, которую онъ запятналъ непостижимымъ обманомъ Кипрскаго договора!

Англо-турецкое соглашеніе состояло въ томъ, что Британское правительство принимало на себя защиту Азіатскихъ владѣній султана отъ русскихъ нападений, въ вознагражденіе за что султанъ разрѣшилъ англичанамъ оккупацию и администрацію острова Кипра. Оно было подписано 9-го іюля, за четыре дня до закрытія Берлинскаго конгресса. Объ этомъ безумномъ договорѣ мы поговоримъ далѣе, теперь же достаточно привести выдержки изъ письма о немъ г-жи Новиковой.

„Что думаютъ русскіе объ англо-турецкомъ соглашеніи? откровенно говоря, очень мало. Если бы Англія была дѣйствительно намѣрена нести свою новую отвѣтственность, она бы готовилась къ исполненію своихъ обязательствъ совершенно иначе. Видя, что

„Убѣдясь на опытѣ, что Балканы, считавшіеся естественнымъ непреодолимымъ препятствіемъ, не помѣшали движенію нашихъ войскъ, конгрессъ издавъ приказъ строить линію фортовъ (конечно, при помощи англійскихъ инженеровъ и англійскихъ денегъ) на всемъ протяженіи цѣпи Балканъ; эти форты, вооруженные турецкими гарнизонами, дѣйствительно сдѣлаютъ Балканы неприступными. Для того ли наши храбрыя войска съ трудомъ всходили на эти горы среди зимы и умирали такъ геройски? Можетъ ли русскій отнынѣ, безъ краски стыда, произносить имена Шипки, Карлова, Баязета, имена всѣхъ мѣстъ, прославленныхъ храбростью и густо усыянныхъ могилами нашихъ героевъ, отданныя туркамъ? Наши солдаты, возвратясь домой, не поблагодарятъ дипломатовъ, которые уничтожили на конгрессѣ плоды этой кампаніи“.

ничто не дѣлается, мы думаемъ, что договоръ не имѣеть значенія. Въ теоріи это историческое оправданіе Кайнарджидскаго трактата. Это позднее, но полное допущеніе Англіей принципа, принятаго Россіей сто лѣтъ назадъ. Русскіе принципы, временно омраченные Севастопольскими несчастіями, приняты, наконецъ, англійскимъ правительствомъ.

Съ этого времени Россія свободна, Россія, очевидно, имѣеть теперь право заключать всякія условія съ султаномъ, а мы, конечно, уступили бы вамъ гораздо больше, чѣмъ Кипръ, за восстановленіе нашего права прямыхъ отношеній съ Портой безъ иностраннаго вмѣшательства. Если мы все еще соперники, то мы не можемъ достаточно выразить нашу благодарность лорду Биконсфильду, за эту услугу“.

Г-жа Новикова писала мнѣ 24 августа 1878 г.

„Вотъ вопросъ, на который я должна обратить Ваше вниманіе, но который, кажется, до сихъ поръ не появлялся въ англійской печати. По договору 1856 года ни одна великая держава не имѣла права заключать съ Турціей какія бы то ни было отдѣльныя соглашенія. Поэтому Россія принуждена была подписать въ Санъ-Стефано лишь предварительный договоръ. Теперь Берлинскій конгрессъ, не уничтожая, а только сдѣлавъ измѣненія въ нашемъ предварительномъ договорѣ, оставилъ право за Россіей имѣть дѣло непосредственно съ Турціей. Очевидно, что англо-турецкая конвенція усилила этотъ принципъ независимости. Теперь Россія не будетъ имѣть причины совѣщаться съ Европой о какой-нибудь сдѣлкѣ съ своимъ умирающимъ и голодающимъ сосѣдомъ“.

Въ то время г-жу Новикову мало заботилъ англо-турецкій договоръ. Спустя семнадцать лѣтъ только она увидѣла его вредное значеніе.

Вышшимъ ея желаніемъ было освобожденіе южныхъ славянъ, защищая которыхъ погибъ ея братъ.

Она совершенно искренно отвѣчала друзьямъ, представлявшимъ ей на видъ все, что выиграла Россія.

„Если бы мы начали войну для того, чтобы уничтожить политику Биконсфильда, Берлинскій трактатъ до извѣстной степени былъ бы успѣхомъ. Не было почти требованія нашихъ дипломатовъ, на которое вашъ премьеръ не изъявилъ благосклоннаго согласія, но онъ сокращалъ всѣ предложенія о расширеніи свободы славянъ, съ согласія заинтересованныхъ интригановъ, заставившихъ насъ играть въ Берлинѣ роль Пилата“.

Аксаковъ въ краснорѣчивыхъ и сильныхъ выраженіяхъ высказалъ негодованіе русскихъ за принесеніе въ жертву македонцевъ.

Въ рѣчи, о которой говорила Гладстону г-жа Новикова, предсѣдатель Московскаго Славянскаго комитета взывалъ къ русскимъ уполномоченнымъ въ Берлинѣ и къ Государю въ Петербургѣ.

„Никогда еще, говорилъ Аксаковъ, война не породила столько жертвъ, вызванныхъ чувствомъ любви къ ближнему, какъ эта, единственной цѣлью которой было избавленіе болгаръ отъ турецкаго яга. И вдругъ теперь все испорчено! По Санъ-Стефанскому договору вся Болгарія была освобождена. А теперь будто бы съ соизволенія того же великодушнаго освобожденія, Болгарія раздѣлена, при чемъ лучшая, богатѣйшая ея часть снова въ рабствѣ турокъ.

„Не случилось ничего страшнаго, ни битвы, ни пораженія. Биконсфильдъ топнулъ ногой, Австрія погрозила пальцемъ,—и русскіе дипломаты испугались и уступили.

„Кто бы въ Европѣ рѣшился на войну? Уступить безъ одного выстрѣла не есть уступка, это простое бѣгство. Кто же воевалъ бы? Ни Англія, ни Австрія, эта олицетворенная ахиллесова пята“.

Правдивая и патріотическая рѣчь эта произвела впечатлѣніе въ Петербургѣ, которое выразилось даже приказаніемъ Аксакову выѣхать въ свое имѣніе. Но тутъ представилось нѣкоторое затрудненіе: у Аксакова не было своей ни пяди земли. Пришлось воспользоваться приглашеніемъ невѣстки Екатерины Ѳедоровны Тютчевой и быть высланнымъ въ чужое имѣніе.

Г-жа Новикова была огорчена и горько упрекала англійскихъ либераловъ въ томъ, что они не противились порабощенію южной Болгаріи.

Она говорила:

„Мы, Москвичи, подняты на смѣхъ за то, что продолжали вѣрить любви англичанъ къ свободѣ, къ справедливости, къ возвышеннымъ цѣлямъ и вѣрованіямъ. Да, вы не оказались нашими друзьями въ бѣдѣ. Въ самую нужную минуту вы стали холодны и безучастны“.

Она даже осуждала Гладстона, жалуюсь:

„Въ 1878 году турецкая неограниченная власть въ юго-западной Болгаріи, уничтоженная Россіей въ Санъ-Стефано, возстановлена Европой въ Берлинѣ. И противъ этой обиды сказалъ ли хоть бы слово даже Гладстонъ?“

Новикова была безутѣшна, она писала друзьямъ, писала въ англійскихъ и русскихъ газетахъ и, наконецъ, воспользовалась случаемъ упрекнуть въ глаза даже самого канцлера князя Горчакова, встрѣтившись съ нимъ случайно въ вагонѣ желѣзной дороги.

Вотъ подробности этого свиданія, которыя я отыскалъ въ ея бумагахъ:

29 іюля 1878 г.

„На Петербургской станціи толпа чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ провожаетъ князя Горчакова. Я старалась не попадаться имъ навстрѣчу, но старый канцлеръ меня замѣтилъ и настоялъ на томъ, чтобы я взяла мѣсто въ его вагонѣ. Ему сопутствовали только два секретаря. Я сначала отказывалась, но потомъ согласилась, сообразивъ, что надо воспользоваться случаемъ добиться объясненій главы нашей политики.

Произошелъ слѣдующій разговоръ:

Горчаковъ. Радъ васъ видѣть. Я слышалъ, что вы ѣздили въ Москву. Что тамъ дѣлалось?

Я. Именно то, что и должно было дѣлаться. Всѣ въ страшномъ негодованіи на изгнаніе Аксакова изъ Москвы за его правдивое слово.

Горчаковъ. Ахъ да, я помню, Вы большой другъ Аксакова.

Я. Конечно, я другъ его и его жены, но сблизилась мы почти недавно и почти каждый день видѣлись.

Горчаковъ (улыбаясь). Да, да, я знаю, но скажите, не были ли Вы такъ же, какъ Аксаковъ, принуждены выѣхать изъ столицы?

Я. Такая новость до меня пока не доходила, конечно, если Аксаковъ заслужилъ наказаніе, то очевидно и я виновна, но тысячи русскихъ чувствуютъ и думаютъ такъ же, какъ онъ.

Горчаковъ (нѣсколько сердито): какъ? онъ осмѣялъ Высочайшее повелѣніе и объявилъ генераль-губернатору Долгорукову, что онъ получилъ въ жизни своей семь Высочайшихъ выговоровъ. Кажется, это довольно дерзко.

Я. По моему мнѣнію, было гнусно со стороны Долгорукова доносить о шуткѣ, сказанной, очевидно, въ гостинномъ разговорѣ, а не въ видѣ отвѣта Его Величеству. Что касается рѣчи Аксакова въ Славянскомъ обществѣ, то она была плодомъ его глубокаго убѣжденія и патріотическихъ взглядовъ. Эти взгляды онъ, конечно, желалъ, чтобы были извѣстны его Государю.

Горчаковъ (все болѣе и болѣе сердясь). Вы слишкомъ преданы дѣлу славянъ и Аксаковъ тоже. Онъ помѣшанъ на политикѣ. Если бы мы руководились московскими взглядами, хороши бы мы были.

Я. Во всякомъ случаѣ Россія сдержала бы свое слово, свое обѣщаніе. Повѣрьте мнѣ, князь, удаленіе Аксакова въ настоящую минуту было большой ошибкой. Итакъ люди потеряли бодрость духа и вѣру. Что сдѣлано въ Берлинѣ? Славяне принесены въ жертву.

Горчаковъ (перебивая): это не правда! Кто ими жертвовалъ? Не я. Вамъ вѣрно извѣстно, какъ сильно я противился раздѣлу Болгаріи, но рисковать новой войной въ ея защиту было выше

моихъ силъ, этого сдѣлать я не посмѣлъ. Прежде Россія, а потомъ славяне.

Я. Юныя славянскія земли заполонили евреями.

Горчаковъ (перебивая): я былъ противъ этого. Евреевъ больше въ Румыніи, нежели среди славянъ. Къ тому же, пожалуйста, избѣгайте слова „Славяне“, говорите о христіанахъ, это понятіе шире.

Я. Но тогда по Вашему не надо говорить Россія, такъ какъ это одно и то же, а прямо сказать Европа.

Горчаковъ. Извините, я только не хочу вывѣсить быку красную тряпку. Вотъ и все.

Я. Не успѣли мы ознакомиться съ телеграммами изъ Берлина, какъ намъ пришлось читать возмутительное восклицаніе еврея Биконсфильда: „Ни шагу дальше!“

Горчаковъ. О, это былъ маленькій парламентскій фокусъ, но я сознаю, что это былъ промахъ съ его стороны.

Горчаковъ замолчалъ и старался улыбаться. „Скажите, дѣйствительно Вы не были удалены изъ Москвы?“ спросилъ онъ.—„Я долженъ Вамъ сказать, что Вашъ другъ Гладстонъ также не правъ, порицая Россію за возвращеніе себѣ клочка Бессарабіи, прежде ей принадлежавшаго“.

Я. Да, Гладстону тоже нужны его избиратели, кромѣ моего большого друга Фруда, всѣ протестовали противъ этого ничтожнаго присоединенія. Но Вы должны помнить, что Гладстонъ никогда не допустилъ бы еврея до объявленія войны Россіи. Это слѣдуетъ имѣть въ виду.

Горчаковъ. Я долженъ Вамъ сказать, что лично я не могу жаловаться на Биконсфильда. Онъ былъ у меня много разъ и былъ очень любезенъ. Былъ также у моего сына. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что если онъ слышитъ о сказанной кѣмъ-нибудь остротѣ, онъ отвѣчаетъ всегда: „Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилъ князь Горчаковъ“.

Я. „Князь, лордъ Сольсбери недавно сказалъ, что сила Биконсфильда въ его безстыдной привычкѣ всѣмъ льстить особенно съ глазу на глазъ“.

Горчаковъ. „Но меня не такъ легко провести лестью“. Пока князь восхвалялъ себя и свою проницательность, я вспомнила слѣдующій мой разговоръ съ бывшимъ либеральнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Кларендономъ. Онъ однажды рассказалъ случай, за достовѣрность котораго онъ ручался. Онъ говорилъ: „Вѣрьте мнѣ, сила Диззи въ отсутствіи всякаго нравственнаго стѣсненія и въ невообразимой лести всѣмъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Сказать Вамъ, чѣмъ онъ обворожилъ королеву? Нѣсколько лѣтъ назадъ она

написала книгу „Воспоминанія о жизни въ Шотландіи“ и разослала копіи всѣмъ намъ, членамъ парламента. Говоря откровенно, насъ это смутило, такъ какъ помимо выраженія благодарности Ея Величеству за вниманіе, мы еще должны были (какъ бы трудно намъ это ни было) выразить свое мнѣніе о ея твореніи.

„Читали ли Вы эту книгу“, спросилъ мой собесѣдникъ.

„Нѣтъ, я только наскоро ее пробѣжалъ“.

„Съ чѣмъ бы Вы ее сравнили? настаивалъ лордъ Кларендонъ съ насмѣшливымъ взглядомъ. По правдѣ сказать, я бы сравнилъ ее съ дѣтскими книгами M-me Jen Lis“.

„Мы были того же мнѣнія, сказалъ мой собесѣдникъ, но отъ насъ очевидно ожидали не молчанія, а мадригаловъ. Что было дѣлать? всѣ были въ затрудненіи. Одинъ Диззи не потерялся. Онъ храбро написалъ: „Это сочиненіе можетъ быть сравнено съ Шекспиромъ или съ Евангеліемъ“. Я молчалъ. Онъ продолжалъ, какъ-бы самъ съ собою:

„Да, нужно много смѣлости, чтобы поднести такое блюдо, но нужно также здоровый желудокъ, чтобъ его переварить, продолжалъ лордъ Кларендонъ.

Но тутъ я вспомнила, что мнѣ нужно все-таки слушать нашего канцеляря.

„Помните, онъ сказалъ, по крайней мѣрѣ мы уничтожили Парижскій трактатъ.

„Его я не подписывалъ. Это дѣло Нессельроде, но я его уничтожилъ“.

„Теперь позвольте мнѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе о Васъ самихъ, которая все портитъ, когда Вы говорите о политикѣ, Вы слишкомъ рѣзки“.

„Но жизнь такъ коротка, прервала я, временемъ надо дорожить, да я и рѣдко говорю о политикѣ, я пишу и то только, когда мнѣ нужно обсуждать Англію и Россію. Не больше“!

„Вы задѣваете за живое всѣхъ, даже Вашихъ друзей, продолжалъ онъ, какъ бы не слыша моего замѣчанія, Вы отклоняете всякое руководство, всякій добрый совѣтъ. Вы смѣтаетесь надъ осторожностью и умѣренностью, дѣйствуете неблагоприятно и неосторожно. Когда я подумаю, что въ Англіи Васъ могли принять за русскаго агента“, прибавилъ онъ, пожимая плечами.

„Да, я агентъ“!

„Вотъ какъ, воскликнулъ онъ: чей же Вы агентъ, позвольте Васъ спросить“?

„Конечно, мой собственный, сказала я, и если бъ на меня посыпались нападки со всѣхъ сторонъ, подобно тому какъ сыпались пули

надъ нашими солдатами на Шипкъ, я все бы продолжала такъ говорить, какъ думаю и чувствую“.

Но тутъ я рѣшила прекратить нашъ бесполезной споръ и оставила канцлера въ обществѣ подчиненныхъ, которые не могли бы уйти отъ него по своей волѣ“.

Судя по датамъ, ея письмо было написано вскорѣ послѣ этого разговора. Она мнѣ говорила, что князь Горчаковъ изъ Вильдбода благодарить ее за очень пріятное свиданіе. „А мы все время ссорились. Подлинно пріятное свиданіе! Согласитесь, что князю легко угодить?“ заключаетъ она.

Въ бумагахъ г-жи Новиковой я тоже нахожу письмо Эмиля де Лавелей, которому она очевидно сообщила объ этомъ свиданіи.

1 сентября 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Какъ интересно Ваше письмо. Вы изображаете собой пылкость, умъ, сердце, будущее. Канцлеръ представляетъ настоящее и холодный здравый смыслъ.

„Россія не можетъ и не должна дѣлать больше.

„Будущность южныхъ славянъ все же улучшена, а турокъ приговоренъ всей Европой. Чего же Вы хотите еще?

„Отнынѣ независимая цѣлость Оттоманской имперіи превращается въ фикцію.

„Австрія построить желѣзную дорогу для славянъ: страна оживится“.

Скобелевъ, этотъ герой войны, выразилъ такой же гнѣвъ, какъ Аксаковъ и г-жа Новикова по поводу измѣны южнымъ славянамъ.

Послѣ подписанія Берлинскаго трактата Скобелевъ рѣзко выразилъ свою ненависть къ политикѣ Биконсфильда въ то время.

„Политика насъ возмущаетъ, писалъ Скобелевъ по этому поводу. Два года мы обливали своею кровью Балканскій полуостровъ. Братья наши убиты, страна наша принесла неизмѣримыя жертвы, вдовы горюютъ, дѣти плачутъ, отцы лишились сыновей, въ которыхъ была ихъ надежда. Все это мы перенесли бы съ терпѣніемъ, которое Богъ намъ даетъ, если бы полная свобода, добытая нами нашимъ братьямъ по крови и религіи, по нарѣчію и вѣрѣ была имъ дана. Но проклятая дипломатія вмѣшивается и говоритъ нѣтъ; только меньшая половина будетъ свободная, а большая возвращена будетъ нѣжному милосердію турокъ. Вы сами знаете, что такое турки были, суть и будутъ и не были ли бы Вы на нашемъ мѣстѣ преисполнены злобы за то, что всѣ наши жертвы напрасны, что люди, надъ могилами которыхъ мы ходимъ, погибли ни за что?“

Къ счастью только половина вреда, который Биконсфильдъ намѣревался сдѣлать, осуществилась. Восточная Румелия была почти такъ же свободна, какъ сѣверная Болгарія, и менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ была присоединена къ княжеству. Македонія до сихъ поръ служить предметомъ нашего позора.

Многіе въ Англіи сочувствовали г-жѣ Новиковой.

Но ея другъ Кинглекъ старался примирить ее съ фактами:

1-го августа 1878 г.

„Дорогой другъ. Въ отвѣтъ на Вашу краткую записку я началъ письмо, но оно оказалось такой длины, что я рѣшилъ отложить мои взгляды на конгрессъ до того счастливаго дня, въ который, я надѣюсь, мы скоро—(какъ скоро)? увидимся.

„Чтобы быть справедливой къ Вашему правительству, Вы должны помнить, что, предпринимая войну, Россія не имѣла полномочій Англіи и континента и обязана была дѣйствовать такъ, чтобы не нарушить согласія трехъ императоровъ. Если бъ Россія задумала занять Турцію, безъ согласія Австріи, ей пришлось бы также идти и на Вѣну.

Имѣя въ виду такую возможность, даже если бъ Англія и не объявляла сама войны, все же Россія сама основательно назвала свой С.-Стефанскій договоръ лишь наброскомъ.

„Конгрессъ былъ не болѣе какъ комедія, и если Вы только удовлетворитесь тѣмъ, чего Вашему правительству хотѣлось достигнуть, и посмотрите на Сольсбери-Шуваловское соглашеніе 30-го мая, Вы увидите, что благодаря слабоумію нашего скомороха Биконсфильда, все главное Вами достигнуто.

„Когда, когда, когда? Вы пріѣдете? Вамъ преданный

А. В. К.

Она писала:

24 августа 1878 г.

„Вы правы. По вашему совѣту, вдумавшись хладнокровно въ Шуваловскій договоръ, я съ нимъ до извѣстной части примирилась, но я никогда не думала, что Россія такъ пожертвуетъ славянами въ Берлинѣ. Конечно, благодаря Россіи, одиннадцать милліоновъ христіанъ въ лучшемъ положеніи, это уже что-нибудь, но могло бы быть лучше“.

Оффиціальное заявленіе въ Правительственномъ Вѣстникѣ выражало сожалѣніе имперскаго кабинета о томъ, что онъ долженъ былъ измѣнить Санъ-Стефанскій договоръ. Все-же каждая наша война была новымъ шагомъ къ окончательной цѣли освобожденія Восточныхъ христіанъ. Хотя много остается еще сдѣлать, но многое

уже сдѣлано. Тонъ этого заявленія понравился г-жѣ Новиковой и ея друзьямъ, но вызывалъ негодованіе австрійскаго посла.

Вотъ, что объ этомъ пишутъ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Маріенбадъ 31 августа 1878 г.

„Австрійскій посланникъ генераль Лагенау здѣсь. Мы много говорили вчера объ оффиціальномъ заявленіи Русскаго правительства. Онъ имъ взбѣшенъ. „Это явное порицаніе Берлинскому конгрессу“ восклицалъ онъ. „Что русскому правительству необходимо было заявить свое сочувствіе Москвѣ, я это понимаю, но я оплакиваю именно это сочувствіе“, заключилъ онъ. Я же убѣждена, что, не будь Аксаковской благородной рѣчи, не было бы и оффиціального сообщенія, совершенно въ русскомъ духѣ“.

Противники Россіи, страдая отъ измѣны Биконсфильда и пользуясь случаемъ подавленія Родопскаго возстанія, вздумали сами поднять волненіе противъ Россіи. Корреспондентъ Spectator'a, съ внушительнымъ изслѣдованіемъ объяснялъ основанія этой новой антирусской агитаціи, упрекая русскихъ солдатъ въ жестокости во время войны. Г-жа Новикова близко приняла къ сердцу обвиненія противъ русскихъ ни на чемъ не основанныя.

Она пишетъ:

„Согласитесь, что, имѣя подъ рукой блестящія и многочисленныя свидѣтельства о лживости англійскихъ посланниковъ и англійскихъ консуловъ, всякій ихъ авторитетъ подорванъ въ нашихъ глазахъ“.

„Нѣкоторыхъ обвиненій мы не удостоиваемъ вниманія“, добавляла она. Торжественное порицаніе „бѣдной Россіи“ лорда Сольсбери заставило ее улыбнуться. „Извиняться передъ клеветой ниже нашего достоинства“, повторяла она.

Однако трудно было съ такой же легкостью отвергнуть письмо по этому предмету, полученное ею отъ Гладстона:

29 августа 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова, съ большимъ интересомъ прочиталъ Ваши письма отъ 18-го и 26-го и радъ, что къ Вамъ дошли аккуратно на этотъ разъ копія моей рѣчи. Я много разъ Вамъ, кажется, говорилъ, что происходящія по временамъ мѣстные выборы служатъ у насъ лучшимъ показателемъ народнаго настроенія. Только что они были въ двухъ мѣстахъ: одни въ городѣ, другіе въ горномъ Шотландскомъ графствѣ. Въ обоихъ правительство направляло вакансіи и было увѣрено въ успѣхъ на новыхъ выборахъ, но тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ оно потерпѣло пораженіе. Это произошло на дняхъ. О послѣднемъ я только что получилъ теле-

грамму. Никто не можетъ сказать съ увѣренностью, каковъ былъ бы результатъ общихъ выборовъ теперь. Торіи перестали довѣрять своему правительству“.

„Но вотъ что. Недавно пришли непріятныя донесенія о русскихъ звѣрствахъ въ Болгаріи, которыя меня смущаютъ“.

„Донесеніе Родопской комиссіи еще не получено, но существуютъ намеки на его содержаніе, которые, я боюсь, недалеки отъ правды. Глупо было назначить турка въ эту комиссію, но это не могло имѣть большого значенія. Я не сомнѣваюсь, что большинство отвратительныхъ оскорбленій было со стороны не русскихъ, а болгаръ, какъ это ни ужасно, но въ нѣкоторой степени это вполне объяснимо. Но что меня удивляетъ—это слухи объ участіи русскихъ солдатъ въ жестокостяхъ, и недостатокъ умѣнья русскихъ властей ихъ сдерживать. Какъ вамъ извѣстно, я охотно защищалъ дѣйствія русскихъ въ Туркестанѣ, но я не знаю, какъ опровергать теперешнія свѣдѣнія. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы эти обвиненія оказались неосновательными. Меня огорчаетъ тотъ фактъ, что они основываются не исключительно на англійскихъ авторитетахъ. Вамъ искренно преданный.

Гладстонъ.

Что отвѣчала на это г-жа Новикова, мнѣ неизвѣстно.

Но вотъ что она писала мнѣ по этому поводу:

Маріенбадъ, 5 сентября 1878 г.

„Итакъ англійскіе либералы собираются устраивать митинги негодованія противъ Россіи. О, божественное безпристрастіе! Какая трогательная поспѣшность хвататься за все, что выдумываютъ противъ Россіи. Какъ должны радоваться Биконсфильдъ и Леярдъ, видя, какъ имъ легко вліять на своихъ домашнихъ враговъ. Я склонна думать, что наши друзья въ Англии такъ же мало заботятся о правдѣ, какъ и наши враги. Пусть собираются митинги, враждебные намъ. Все это мнѣ несказанно опротивѣло!“

Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекратились разговоры о Родопской комиссіи; достигнувъ своего назначенія, она была забыта.

Публика не была расположена къ новымъ волненіямъ. Когда былъ подписанъ Берлинскій трактатъ, и ясно стало, что войны не будетъ, Фрудъ пересталъ интересоваться Восточнымъ вопросомъ. Онъ переѣхалъ изъ Лондона въ Девонширъ, но въ суетѣ переѣзда онъ написалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ письмо отъ 19-го іюля:

„Нечего мнѣ сообщить Вамъ о внутренней политикѣ, кромѣ вѣроятности, что вспыхнетъ возстаніе въ Ирландіи въ недалекомъ будущемъ, и за него отвѣтственность падаетъ на Гладстона. Онъ

только и дѣлаетъ, что гасить пожаръ, вливая масла, и если обожжется онъ и его друзья, нѣкоторые изъ насъ этимъ неособенно огорчатся“.

„Мы англичане, настоящія дѣти. Возникаетъ что-нибудь, что насъ заинтересуетъ, мы безумствуемъ, ни о чемъ другомъ не можемъ думать, говорить, мечтать. Но пройдетъ годъ, часто мѣсяць, и мы гоняемся за другимъ интересомъ съ такимъ же пыломъ, забывая совершенно о первомъ. Вѣрьте мнѣ, едва ли нашлось бы теперь во всей странѣ пятьдесятъ человекъ, обсуждающихъ Восточный вопросъ. Мы думаемъ, что онъ рѣшенъ, что рѣшили его мы и конецъ. Въ каждой странѣ большинство людей дураки, но нѣтъ нигдѣ дураковъ съ такими особенностями, какъ на этихъ благословенныхъ островахъ“.

„Карлайль объѣлся земляникой на прошлой недѣлѣ и объявилъ намъ торжественно, что умираетъ. Мы выражали мнѣніе, что дѣло не такъ серьезно, на что получили гнѣвный отвѣтъ, что мы ничего не понимаемъ. Онъ здоровъ теперь, здоровѣе, чѣмъ былъ, но съ нимъ мы должны говорить объ этомъ осторожно“.

„Мнѣ жаль, что Вы отказались отъ приглашенія ѣхать въ Америку. Тамъ, а не здѣсь будущее англійской расы. Тамъ вы можете дышать свободно, не запутываясь въ ложь и условность. Подумайте объ этомъ. Вы встрѣтите тамъ много неизвѣстныхъ друзей, которыхъ привлекла къ Вамъ Ваша книга“.

Вашъ всегда искренно Фрудъ.

Сообщено Е. С. М.

